

У водопада Линь Фэн словно обезумел. Его удары «Раскалывающего камни кулака» обрушивались на воздух без всякой системы, а порой с яростью врезались в твердый синий камень. Тыльная сторона ладоней была в крови, кожа содрана.

Он тяжело дышал, глаза его налились кровью. Из-за неконтролируемого гнева и отчаяния внутренняя энергия в теле пришла в бурное движение, угрожая повторным повреждением меридианов.

В голове царил хаос, и лишь одна мысль крутилась по кругу: он всё испортил. Из-за своей нелепой благодарности и зависимости он разозлил того единственного человека, который протянул ему руку помощи. Этот человек отнял поддержку, что помогала ему идти дальше, — просто потому, что он оказался недостаточно силен и стал слишком обременительным.

Тань Юньхан стоял неподалеку, утреннее солнце вытянуло его тень в длинную полосу. В голове Тань Юньхана суетился 007, виртуальные потоки данных метались в панике: «Тревога! Риск повреждения меридианов цели возрос до тридцати процентов! Риск краха душевного равновесия — сорок пять! Хозяин, сделай же что-нибудь, иначе инвестиция провалится!»

Сделать что-нибудь?

Точный разум Тань Юньхана заработал с небывалой скоростью, пытаясь отыскать решение в огромных базах данных и логических моделях.

Извиниться? Объясниться? Мгновенно наколдовать целебные травы?

Нет. Любое логическое объяснение в этот момент, когда Линь Фэн охвачен эмоциями, может быть истолковано превратно. А если травы появятся из ниоткуда, это окончательно выдаст его аномальную природу.

Взгляд Тань Юньхана скользнул по окровавленным рукам Линь Фэна, по его вздымающейся от тяжелого дыхания груди, по воспаленным, полным боли и незащитности глазам.

Странное, ледяное чувство тревоги, подобно слабому электрическому разряду, пронзило его нейронную сеть, которая всегда работала бесперебойно.

План дал сбой, потому что стратегия была основана на неверной модели.

Он совершил ошибку — примитивную ошибку, недооценив сложность человеческих чувств.

Признать ошибку и исправить её — это правило было вшито в его инстинкты.

Как исправить?

Его взгляд обвел окрестности и остановился на старой корзине, которую он принес с собой.

Внутри не было лекарств — лишь несколько пучков самых обычных диких трав да небольшой мешочек неочищенного риса, который он отложил на сегодняшний обед.

Никакой «укрепляющей каши».

Но взгляд Тань Юньхана задержался на мешочке с рисом.

В следующее мгновение, не колеблясь, он направился к углублению в скале. Ловкими движениями развел небольшой костер, поставил закопченный глиняный горшок, влил чистой воды, всыпал промытый рис и принялся кропотливо шинковать дикие травы.

Его движения оставались выверенными, даже более плавными и точными от предельной концентрации — словно он не варил кашу в глуши, а занимался сделкой по поглощению компании стоимостью в миллионы.

Лишь плотно сжатые губы да чуть более поспешные, чем обычно, движения выдавали его необычное состояние.

007 притих, словно затаив дыхание.

Каша медленно варилась на огне. Аромат риса, смешанный с запахом диких трав, постепенно наполнял воздух, совершенно не вписываясь в эту напряженную, гнетущую атмосферу.

Тань Юньхан не смотрел на Линь Фэна, который продолжал иступленно отрабатывать удары. Он был сосредоточен на горшке, время от времени помешивая варево деревянной ложкой, чтобы оно не пригорело.

Он контролировал огонь, добиваясь того, чтобы зерна риса полностью разварились, а каша стала густой и теплой.

Прошло немало времени. Когда каша дошла до нужной кондиции, Тань Юньхан погасил огонь. Он наполнил миску дымящимся кушаньем — простым, но согревающим.

Он понес миску к Линь Фэну, который всё еще безуспешно пытался выплеснуть свою ярость.

Услышав шаги, Линь Фэн замер. Его покрасневшие глаза с опаской и болью уставились на Тань Юньхана, как у раненого зверька.

Тань Юньхан остановился в трех шагах от него. Он не стал оправдываться, не просил прощения

и даже не посмотрел в глаза Линь Фэну — лишь перевел взгляд на его кровоточащие руки.

Затем он совершил поступок, который поверг Линь Фэна в полное оцепенение.

Он слегка наклонился и бережно, уверенно поставил миску с горячей кашей на землю между ними. Это был безмолвный, неуклюжий сигнал перемирия, способ искупить вину.

Закончив, он выпрямился, на мгновение — едва заметно — взглянул на лицо Линь Фэна, а затем развернулся и молча пошел обратно к скале. Он принялся собирать утварь, стоя к Линь Фэну спиной, оставив тому лишь свой худощавый, прямой силуэт.

Ни слова.

Никаких извинений или просьб прекратить истерику.

Только миска каши, приготовленная с такой тщательностью, на какую только позволяли скудные условия.

И этот безмолвный жест смирения.

Вся ярость, отчаяние и самобичевание Линь Фэна внезапно споткнулись об эту дымящуюся миску и о молчаливые, но такие красноречивые действия человека перед ним.

Бурлящие эмоции словно наткнулись на преграду, а затем начали медленно остывать и оседать в груди.

Он посмотрел на миску, потом на холодную, отстраненную спину человека, который возился с вещами так, словно ничего не произошло.

Значит, он не презирал его? Не собирался отдаляться?

Просто лекарств действительно больше не было, а его собственные обвинения и срывы были несправедливы?

Он даже отдал свою порцию еды, чтобы приготовить для него кашу.

Огромное чувство стыда и другая, еще более мощная, горько-сладкая волна эмоций обрушили психологическую защиту Линь Фэна. Это было куда сильнее, чем прежний гнев.

Что за чушь он нес? Что за глупости творил?

Тань Юньхан молча закончил собирать вещи, закинул корзину на плечи и, по-прежнему не глядя на Линь Фэна, собрался уходить, словно выполнил обычную повседневную задачу.

Когда он проходил мимо всё еще стоявшего столбом Линь Фэна —

— П-прости! — сдавленный, дрожащий голос вырвался из горла Линь Фэна.

Он опустил голову, сжал кулаки, плечи его подрагивали. Голос звучал надломленно:

— Младший брат Тань, прости меня. Я... я был неправ.

Гордый юноша впервые так беспомощно и искренне признал свою вину.

Тань Юньхан остановился.

Он повернул голову, глядя на опущенную, взлохмаченную макушку Линь Фэна, на его дрожащие руки, испачканные в крови.

В тот миг Тань Юньхан отчетливо услышал, как ледяная корка в глубине его души, состоящая из логики и цифр, издала тонкий, но ясный хруст.

Что-то холодное, программное таяло под воздействием этой миски каши, этих сбивчивых извинений и этой беззащитной, упрямой позы.

Небывалое, незнакомое чувство разлилось внутри. Это было не удовлетворение от выполненного плана и не спокойствие от контроля рисков, а что-то гораздо более мягкое, отдающее легкой грустью.

Он помолчал несколько секунд, и когда заговорил, в его холодном голосе послышались мягкие нотки, которых он сам не осознавал:

— Каша остынет.

Сказав это, он не стал больше медлить и ушел.

Линь Фэн резко поднял голову, но увидел лишь, как синяя фигура скрылась в конце лесной тропинки.

Он долго стоял неподвижно, затем медленно опустился на корточки и бережно поднял миску, которая уже не дымилась, но всё еще хранила тепло.

Каша была хорошо разварена, аромат риса смешивался с нежным запахом трав. Он зачерпнул ложку и поднес ко рту.

Вкус был пресноватым, даже грубым, но в нем словно таилась странная сила, способная исцелить любую тревогу.

Он ел медленно, ложка за ложкой, а глаза невольно становились всё краснее.

Он съел всё до последнего зернышка, затем тщательно вымыл миску и с глубоким почтением прижал её к груди.

Он подошел к водоему, плеснул на лицо и руки ледяной водой — это помогло ему окончательно прийти в себя.

Он посмотрел в ту сторону, куда ушел Тань Юньхан. В его глазах больше не было прежнего жара, растерянности или отчаяния — там зародилось нечто более глубокое и твердое.

Он снова встал на синий камень и принял исходную позицию «Раскалывающего камни кулака».

На этот раз в его движениях не было неистового безумия — лишь спокойствие и решимость.

Он был неправ. Ему не следовало сомневаться, не следовало терять контроль.

Этот человек самым молчаливым способом преподавал ему важнейший урок и окружил его самым теплым участием.

Он должен стать сильнее. Чтобы не подвести, чтобы оправдать ту миску каши и эту безмолвную заботу.

Тань Юньхан вернулся в хижину и закрыл дверь.

В голове тихо пискнул 007: «Хозяин, кривая твоих эмоциональных колебаний только что выглядела довольно странно... хотя результат, кажется, неплохой?»

Тань Юньхан не ответил. Он подошел к чану с водой и посмотрел на свое отражение, на котором по-прежнему не дрогнул ни один мускул.

Долгое время спустя он произнес очень тихо, словно сам себе:

— Каша оказалась полезнее, чем план.

<http://bllate.org/book/22471/2365250>